

К. Герасимова, С. Чуйкина

Символические границы и «потребление» городского пространства (Ленинград, 1930-е годы)

ВВЕДЕНИЕ

Статьи, вошедшие в этот сборник, посвящены процессу преобразования социально-пространственных структур бывших советских городов в переходный период от социализма к рыночной экономике. Наш текст посвящен противоположному процессу — трансформации города капиталистического в город социалистический. Мы представляем описание социально-пространственной структуры довоенного Ленинграда в контексте дискуссии о сегрегации в социалистических городах. Ключевыми в этой дискуссии являются вопросы о наличии или отсутствии социально-пространственной сегрегации и паттернах пространственного неравенства в социалистических городах (Вещлавович, 1976; Musil, 1980; Szelenyi, 1983).

В статье, опубликованной в этом сборнике, Анастасия Чешкова выделяет четыре группы исследовательских стратегий по изучению городского пространства: анализ морфологии города, социоструктурный подход, исследование восприятия городского пространства как культурного феномена, анализ локализации практик в городской среде. Проанализировав возможности и ограничения применения данных стратегий к исследованию советских и современных российских городов, автор приходит к выводу о том, что «на сегодняшний день имеет практический смысл перевод анализа сегрегации на микроуровень... основной упор в исследованиях сегрегации предлагается делать именно на стратегиях разграничения городского пространства горожанами». Автор предлагает исследователям городской сегрегации дополнять анализ резидентного размещения, который является стан-

дартной методологией изучения сегрегации в западных городах, изучением локализации досуга, потребления, коммуникаций, практик, места работы.

В капиталистических городах, где существует рынок жилья, район проживания чаще всего является показателем социального статуса и дохода. Для исследования социально-пространственной структуры советского города, в котором распределение жилья производилось административно и по сложной схеме, не всегда ведущей к соответствию жилищного и социального статусов, при неоднородности застройки в разных районах и наличии по соседству жилищ разной престижности, социальная сегрегация по районам была недостаточно выраженной. Значимым разделением по резидентному признаку в советских городах было проживание в историческом центре или в новых районах, так как центр, особенно в старых городах, имел большой престиж, лучшую инфраструктуру, часто более качественное жилье¹. Так, в 1930-е годы разделение Ленинграда на исторический центр города и бывшие рабочие окраины, ставшие «новостройками», было значимым для официального дискурса о городском развитии и для самих жителей города. Несмотря на попытки советских властей и градостроителей разрушить оппозицию между богатым «буржуазным» центром и бедными «рабочими» окраинами с помощью символического принижения статуса центра и создания новых благоустроенных микрорайонов на окраинах, всё же инфраструктура центра по-прежнему была лучше, в центре предпочитала жить советская элита, в центр ездили и в театр, и за покупками². Как и в начале века, в 1930-е годы рабочие районы продолжали быть социально и морфологически однородными, а центр города — гетерогенным как по социальному составу населения, так и по характеристикам жилищного фонда. На одной лестничной площадке дома в центре могли жить семьи советской элиты, занимавшие отдельные квартиры, а в соседних коммуналках — малоквалифицированные рабочие и уцелевшие прежние владельцы квартир «из бывших» и т.д.

При невозможности соблюдать пространственную дистанцию разные социальные группы прибегали к другим способам поддержания социальных границ. В частности, социальная дистанция выражалась в выборе круга общения и практиках интеракции с другими социальными группами, и

¹ Пример Москвы см. Трущенко, 1995.

² Подробнее см. Герасимова, Чуйкина, 2000.

соответственно, в выборе определенных мест для такого общения, а также в символическом присвоении мест города. В процессе общения и формирования социальных сетей воспроизводились социальные среды, которые, в свою очередь, «присваивали» места и пространства города и через «потребление» города³ пытались отгородиться от представителей других, чуждых социальных сред.

Трактовка сегрегации как различия жителями городских локалов по тем или иным критериям (свои или чужие, опасные или безопасные) и установления территориальных границ опыта характерна для исследователей культурных образов города (Firey, 1947; Langer, 1984; Suttles, 1972). Изучение локализации социального действия в пространстве также подразумевает дополнение анализа резидентного размещения анализом «сегрегации активности» в городской среде (Boal, 1973). В нашем исследовании мы определили *социальную сегрегацию как процесс установления и поддержания социальных границ, выражающихся в практиках «потребления города» представителями разных социальных сред.*

Для реконструкции контекста изменений городской структуры, происходивших в городе в конце 20-х и в 30-х годах, и об идеологических проектах изменения городского пространства, использовались ленинградские газеты («Ленинградская правда», «Красная газета»), статистические сборники и литература о Ленинграде того времени. Основной источник информации для данной статьи — интервью с жителями Ленинграда, коренными и приехавшими в город в начале 30-х годов. Всего было собрано 55 интервью⁴. Среди опрошенных нами коренных ленинградцев и мигрантов

³ Понятие «потребление» применительно к освоению городского пространства введено Мишелем де Серто в работе «Практика повседневной жизни». Планировка города и его архитектурный облик представляют собой продукт стратегических решений власти. «Потребление» этого продукта, как и всякого другого, предполагает избирательность, поэтому придание собственных значений пространству людьми через выбор маршрута прогулки может служить альтернативой навязанным планировщиками и идеологами пространственным структурам (De Certeau, 1984. Part III. P. 91-131.).

⁴ Признавая особенности нарративных интервью как метода сбора социологической информации (ошибки памяти, ретроспективность, субъективная интерпретация и пр.), мы считаем их ценными источниками, так как они содержат *рассказы о практиках*, которые, как, пишет, Д. Берто, высвечивают социальный контекст, в котором

были выходцы из семей рабочих, ремесленников и крестьян (и «кулаков», и «бедных»), и представители образованных слоев: буржуазии, купечества, дворянства. Их профессиональные статусы в Ленинграде 1930-х годов представляют также широкий спектр — студенты и преподаватели ВУЗов, инженеры, научные работники, рабочие заводов, домработницы, работники советских учреждений всех уровней, комсомольские и партийные работники. Таким образом, у нас имеются интервью с представителями практически всех слоев Ленинграда⁵. Также использовались для работы мемуары и автобиографии, описывающие жизнь в Ленинграде в данный период времени. Выделяя разные группы по районам проживания, социальному статусу и происхождению, мы не ставили перед собой цели классифицировать все население города по этим признакам или реконструировать объективную социальную структуру. Мы предполагаем, что некоторые социальные слои и субкультурные группы (например, этнические, религиозные) остались вне нашего анализа.

На основе анализа биографических материалов были реконструированы места проживания и активности людей разного социального происхождения и положения, быт центра и окраин города, субъективное восприятие городской среды горожанами, различные способы освоения городского пространства. Мы разделяли *место жительства* и *место обитания*, чтобы учесть не только жилищную сегрегацию, но и сегрегацию мест культурного потребления и проведения досуга.

Проанализировав интервью, мы выделили три большие группы жителей города, различавшиеся по локализации социальной активности и идентификации себя с определенными местами и пространствами города. Первая группа – обитатели рабочих районов, чья жизнедеятельность в целом

данные практики имели место, и воспроизводству и трансформации которого они активно способствовали (Bertaux, 1997. P. 8).

⁵ Использовались интервью, проведенные нами для проекта «Старые и новые ленинградцы 1930-х годов» (Рэнвалл-институт, Хельсинки) под руководством Марины Витухновской, а также интервью, собранные для наших диссертационных проектов «Дворянство в советском городе: Ленинград, 1917-1941» (Софья Чуйкина, при поддержке ЕУСПб) и «Советская коммунальная квартира» (Екатерина Герасимова, при поддержке ЕУСПб и RSS/HESP, грант № 971/1998). Часть собранных интервью вошла в сборник "На корме времени" (Витухновская и др., 2000). По желанию некоторых наших информантов, мы не называем их фамилию при публикации цитат из интервью.

ограничивается своим районом, вторая группа – живущие в центре и не бывающие в рабочих районах, третья группа – те жители города, чья карта освоенного пространства включает и центр, и рабочие районы.

ОБИТАТЕЛИ РАБОЧИХ РАЙОНОВ

Идеология и градостроительные планы 1920 – 1930-х годов предусматривали превращение Ленинграда в образцовый социалистический город. Модель социалистического города предусматривала отсутствие центра города и создание нескольких равных по условиям жизни и по престижности районов, отвечающих следующим требованиям советского городского планирования: организация всей жизни вокруг крупного промышленного предприятия, жилищное строительство непосредственно около предприятия с целью сокращения дистанции между местом резиденции и работы, интенсивное развитие социальной и досуговой инфраструктуры, что позволило бы жителям района удовлетворять все потребности на территории района. Но поскольку на перестройку исторического центра города не было средств и времени, власти и градостроители пришли к компромиссному варианту: решено было придать городу подобающий вид и структуру путем строительства новых рабочих районов, в которых качество жилья и инфраструктуры было бы сравнимым с центральными районами. Частично эти планы были реализованы. Так, с середины 20-х годов бывшие рабочие окраины и «городские деревни» (Невская, Нарвская, Московская заставы, Охта, Выборгская сторона) претерпели значительные изменения. «Ленинградская правда» и «Красная газета» приводят примеры успешной трансформации бывших рабочих окраин. Например, Охта, которая до революции была местом, где жил народ «темный, разрозненный и хмельной ремесленный», стала выглядеть иначе: «центр района — завод, хозяин – рабочий»⁶. Другой, не менее важной составляющей советской урбанизации была культурная революция: «Очаги культуры щедро распределяются по всему городу, в рабочих районах, на окраинах. В Ленинграде нет больше окраин»⁷. По свидетельствам наших информантов и сообщений в газетах, рабочие районы были социально однородными – основная масса населения работала на промышленных предприятиях. Один из наших информантов вспоминает, что «отличи-

⁶ Ленинградская правда (далее — ЛП). 1929. 9 июня.

⁷ Красная газета (Далес — КГ). 1934. 26 января.

тельная черта, когда уже началась индустриализация страны, можно считать, что это был рабочий район. Жили, в основном, рабочие, потому что основная культурная масса людей жила, конечно, в городе»⁸. Рабочие с семьями жили в домах, бараках и общежитиях при заводах. Досуг жителей рабочих районов также был локализован в окрестностях, прилегающих к месту проживания. Однако структура проведения свободного времени значительно изменилась под влиянием так называемой «культурной революции». До начала бурной реконструкции рабочих районов места вне рабочего времяпрепровождения ограничивались домом, церквями, пивными и огородами летом. Письма в газеты и статьи корреспондентов сообщают об «однообразном и монотонном быте»⁹ рабочих окраин: «Заброшенный наш район... некуда деться после работы... нет клуба, нет кино. В город идти — далеко»¹⁰. Изменения районов по социалистическому образцу означали трансформацию и этих «культурных учреждений»: вместо разрушаемых церковью строятся клубы, на месте пивных и трактиров сооружают школы, детские консультации, дворовое общение заменяется собраниями и лекциями, устраиваемыми культурно-бытовой комиссией в Красном уголке при ЖАКТе. «Нарвская застава! Только, пожалуй, по Нарвским воротам ее узнал бы человек, не живший несколько последних лет в Ленинграде. Налево, где стоял трактир «Стоп-сигнал!», «Распивочное на вынос. Свежие раки» — теперь гигантский Дом культуры. Направо — вместо конкурента «стоп-сигнала», портерной — другой гигант — Нарвская фабрика-кухня».

Политика государства (через профсоюзы, партию, комсомол) стимулировала жителей рабочих районов к культурному освоению не только рабочих районов, но и центра. Всячески поощрялись культпоходы в театры, музеи, кино, на лекции. Обычно рабочим бесплатно выдавали билеты или абонементы на спектакли и киносеансы. Надо заметить, что политика государства в отношении «окультуривания» рабочих была противоречива: рабочих стимулировали к «освоению центра», но в то же время было сделано все для того, чтобы такой потребности не возникало, пропагандировалось, что досуговая инфраструктура новых районов нисколько не уступает имеющейся в центре. Например, «Красная газета» в 1934 году гордо сообщала, что «очаги культуры щедро распределяются по всему городу, в рабочих рай-

⁸ Интервью с Алексеем Константиновичем, 1913 г.р. Инт. К.Герасимова.

⁹ ЛП. 1929. 17 января.

¹⁰ ЛП. 1932. 15 ноября..

онах, на окраинах. В Ленинграде нет больше окраин. (...) Для того чтобы посмотреть хорошую постановку Москвы и Ленинграда, не всегда нужно направляться в центр города. Семь крупных Домов культуры выросли за эти годы на рабочих окраинах. Сюда в первую очередь направляются лучшие актеры и выездные спектакли ленинградских и московских театров»¹¹.

Интенсивно работающая уже в середине 1930-х инфраструктура бывших окраин способствовала тому, что рабочие имели возможность полностью ограничить пространство своего обитания одним районом. Досуговая инфраструктура, которая была одинакова во всех этих районах, состояла из Дома культуры, сада отдыха при Доме культуры, рабочих клубов, кинотеатров, или кинозалов в клубах, спортивных залов и стадионов (называемых «комбинатами культуры»), кафе, при заводах существовали также кружки по интересам. Газеты отмечают, что наметилась тенденция к культурной изоляции рабочих районов: «Если внимательно взглядеться в схему района, видно, что каждый район города представляет собой законченное целое со своим Домом культуры, парком отдыха, районным театром и кино»¹².

Доступные возможности развлечения, имевшиеся в новых районах, вполне удовлетворяли потребности, интересы, запросы многих рабочих. То, что было доступно только в центре, не было для них чем-то особенным, ради чего стоило бы предпринимать длительное и недешевое путешествие в центр. Потребности в культурном потреблении значительной части обитателей рабочих районов Ленинграда 1930-х годов иллюстрируют тезис П. Бурдьё о наличии у выходцев из беднейших слоев общества «вкуса к необходимости» (Bourdieu, 1984. P. 372-396). Этот вкус проявляется, когда исчезают структурные условия, обуславливающие скромные («не от хорошей жизни») потребности, и появляется возможность более разнообразного потребления. В таких ситуациях люди, имеющие определенную потребительскую диспозицию, отказываются от вновь появившихся возможностей. Сформировавшийся в процессе социализации вкус мешает им приблизиться к более «роскошно» живущим социальным группам. Так, не все рабочие хотели посещать театры, расположенные в центре. Еще менее привлекательными представлялись им музеи, опера, филармония. Например, одна из интервьюируемых описывает свои впечатления об опере, куда она попала, получив

¹¹ КГ. 1934. 26 января.

¹² ЛП. 1934. 19 июня.

бесплатный билет, как о чем-то скучном, не интересном для нее: «Помню, дали нам билеты — «Царскую невесту» смотреть. А нам и не интересно было. Нет, нам не интересно. Чего мы смотрим? Решили, больше не пойдем никогда. Пришли мы в театр, там кругом зеркала, эта «Царская невеста», да опера... Мы спали...». Она же описывает более привлекательные для нее альтернативы проведения свободного времени: «В кино ездили, в «Гигант» на Кондратьевский. А у нас при заводе Ленина был очень хороший клуб. Там кино ставили. Что в кинотеатре идет, то и на заводе, и здесь дешевле наполовину. В клуб ходили. И кино посмотрим, и танцы...»¹³.

Многие жители окраин чувствовали себя в центре города дискомфортно. Принадлежность к своему району была частью их идентичности, и некоторые, путешествуя в центр, чувствовали себя в нем чужими. Характерно высказывание одной из информанток: «мы же все рабочий класс, мы жили у завода, а интеллигенция в центре жила»¹⁴. Путешествие в центр было для них сродни вторжению в незнакомый и даже враждебный мир, живущий по иным правилам. Особенно дискомфортно чувствовали себя в центре мигранты из деревни. Привыкшие проводить время на природе, в малоозелененном городе, подобном «каменному мешку», они чувствовали себя потерянными. Окраины, которые изобиловали парками, садами, огородами, были для них более близкими и знакомыми.

— Наш дом считался как от завода Ленина, но там много жило не заводских. (...) Мы все в коридоре, на гитаре играем и песни поем.

— Значит, Вы все свое время проводили в этом районе?

— Да, да, да.

— А в центр, на Невский ходили гулять?

— На Невский мы не очень-то ходили. Там неинтересно, чего там на Невском. А мы, если кто-нибудь возьмет гитару, можно и петь, и танцевать. А так не тянуло на Невский, Невский не прельщал нас никак.

— Как часто бывали Вы в центре?

— Нет, в центре не общались¹⁵.

¹³ Интервью с Колокольцовой Натальей Федоровной, 1918 г.р. Инт. С. Чуйкина.

¹⁴ Интервью с Новиковой Марией Андреевной, 1915 г.р. Инт. К.Герасимова.

¹⁵ Интервью с Колокольцовой Натальей Федоровной, 1918 г.р.

Круг общения обитателей окраин составляли родственники, друзья и коллеги с завода, проживавшие в том же районе. Значимую роль играли и соседи. Соседско-дружеские сети создавались в процессе совместного освоения пространства, — например, походов в магазины и присмотра за детьми, совместной работы и спортивных игр. Для семей коренных жителей окраин характерна преемственность профессиональной деятельности и преемственность круга общения от старших поколений к младшим. Также характерно «перекрытие» социальных ролей, т.е. коллеги с завода являлись также соседями, часть соседей были родственниками, дети, знакомые с детства, позже становились коллегами. Таким образом, при заводах формировались относительно замкнутые микросообщества, существовавшие несколько десятков лет.

В сетях мигрантов играли большую роль земляки, то есть люди из той же деревни — родственники или знакомые. Мигранты из деревни редко приезжали в город «на пустое место». Чаще всего их вызывали родственники, либо друзья- земляки, уехавшие в Ленинград ранее. Многие наши информанты рассказывали о том, что сначала останавливались у родственников, которые помогали с пропиской, иногда помогали найти работу на черном рынке на первое время, женщины рассказывали о том, что работали у родственников или просто земляков в няньках. В дальнейшем вновь приехавшие находили жилье и работу, но не зная хорошо города, они предпочитали первое время быть ближе к своим знакомым. К тому же в годы индустриализации, когда в городе ощущалась нехватка рабочей силы, найти мало-квалифицированную работу на фабриках и заводах в любом рабочем районе было легко. Этим можно объяснить формирование землячеств в новых районах. В компании этих людей в основном проводили свободное время, отчасти воспроизводя привычный деревенский образ жизни.

— На фабрике работало девчонок много наших тверских, калининских. Зайдем, там же в Невском районе сад Бабкин есть¹⁶, Бабкин сад, зайдем за березы... Ты-ны-ны-ты-ны-ны языком, и плясать. Вот, чем занимались. Много девчонок было — из Ледин, и Кузьминские...

— Из Ваших же деревень, то есть?

— С наших деревень, да. Друг по дружке так и узнавали. (...)

— А с ленинградцами Вы общались?

¹⁶ Имеется в виду сад имени Бабушкина.

— Нет, все были родные-знакомые. Тетя у меня была, на 12-й линии. Папина родная сестра. .. Да, с родными. А так я не общалась.¹⁷

Элизабет Ботт, изучавшая взаимосвязь структуры семьи и ее социальных сетей, указывает, что на композицию и плотность сети влияют множество факторов, в том числе район проживания. Например, плотная социальная сеть (т.е. представляющая собой «клубок», где все знакомы со всеми) характерна для семей и отдельных людей, живущих всю жизнь в одном районе, где социальный состав соседей гомогенный (по уровню образования, профессиональной деятельности). В таких случаях часто встречается и перекрывание социальных ролей, например, родственники могут быть одновременно и соседями, и друзьями. Композиция социальных сетей влияет на структуру семьи. Так, для семей, живущих таким образом характерно жесткое разделение обязанностей между мужем и женой, также разделение мужских и женских кругов общения, мужского и женского досуга. Большое значение имеет укорененность в место проживания: в случае переезда в другую местность разрушаются социальные контакты, изменяется структура семьи и весь уклад повседневной жизни. Этим объясняется сильная привязанность к территории, что приводит также к невысокой социальной мобильности (Bott, 1971). Выводы Ботт применимы для объяснения образа жизни многих жителей рабочих районов Ленинграда. Привязанность к территории, идентификация себя по территории и месту работы («мы рабочий класс, мы жили у завода») и создание социальной сети за счет совместного освоения территории, ограничивали возможности и географической, и социальной мобильности рабочих.

ОБИТАТЕЛИ ЦЕНТРА

Социальная композиция населения центра изменилась после революции, по сравнению с дореволюционным периодом. Самым значимым изменением было увеличение численности рабочих. По статистике, число рабочих, проживающих в центре города (Смольнинский, Октябрьский, Петроградский, Василеостровский районы), возросло с дореволюционных времен в несколько раз: в 1910 году в центре проживало 14,7% рабочих, в 1926 —

¹⁷ Интервью с Колокольцовой Натальей Федоровной, 1918 г.р.

21,5%, в 1932 — 60%¹⁸. Васильевский остров был заселен на 70% рабочими и их семьями¹⁹. Это объясняется, во-первых, переселением части рабочих из окраин в центр города в процессе кампании жилищного передела (1918-1921) (Лебина, 1997; Герасимова, 1998). Во-вторых, часть рабочих из мигрантов тоже поселились в центре города. Некоторые из них получили жилплощадь по городской очереди, другие — поселились у родственников и знакомых, третьи — вынуждены были снимать временное жилье. Т.к. темпы жилищного строительства, особенно в центре, значительно отставали от роста населения города, власти решали жилищную проблему путем уплотнения больших («буржуазных») квартир и превращения их в коммунальные. В результате такой жилищной политики в коммунальных квартирах центра оказались представители социально далеких групп: вчерашние крестьяне, рабочие, переселенные из бараков на окраинах, «бывшие», советская интеллигенция.

Мы опишем те практики городской жизни обитателей центра, которые были наиболее важны для поддержания социальных границ и находили пространственное выражение. Среди тех, чье пространство обитания ограничивалось центром, мы находим людей, совершенно различных по социальному происхождению, образованию, месту в советском обществе. В зависимости от масштаба освоенного пространства центра можно выделить две основные группы.

В первую группу входят те, чьим основным местом обитания является территория, прилегающая к месту жительства. На этой небольшой территории была локализована большая часть социальной активности представителей этой группы и их круг общения состоял и формировался из соседей и проживающих поблизости знакомых и родственников. Остальная территория центра использовалась ими лишь функционально (например, походы в магазины). Вторая группа обитателей центра состояла из горожан, идентифицирующих себя с центром города в целом как символически насыщенным пространством. Их карта освоенного пространства была гораздо шире, чем у предыдущей группы, и для них особо значимо было использование

¹⁸ XV лет диктатуры пролетариата. Экономико-статистический сборник по городу Ленинграду и Ленинградской области. Издание Облесполкома и Ленсовета. Л., 1932, с. 124.

¹⁹ ЛП. 1930. 28 мая.

досуговой инфраструктуры центра, знакомство с историей, архитектурой и культурой города, восприятия себя как «петербуржца» или «ленинградца».

ОБИТАТЕЛИ ЦЕНТРА, ПРИВЯЗАННЫЕ К МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА

В первой описываемой группе объединяются представители таких различных по своим социальным характеристикам слоев, как малоквалифицированные работники сферы услуг (всех поколений, и коренные, и мигранты) и «бывшие» (только старшее поколение, и коренные петербуржцы, и мигранты). На наш взгляд, сходные модели освоения городского пространства в этих слоях сложились благодаря тому, что и те и другие «бежали» от чуждого им советского города, стремились образовать сообщество, где они чувствовали бы себя в достаточной безопасности.²⁰

Группы малоквалифицированных работников физического труда и сферы обслуживания, не работавших на заводах и фабриках, не были охвачены волной индустриализации и культурной революции, не были включены в типичное для рабочих культурное потребление. Они редко или никогда не посещали рабочие клубы, танцевальные вечера в рабочих клубах, кружки, спортивные секции, лекции и т.д. Значительно реже они ходили в кино и театры, что объясняется во многом тем, что им, в отличие от рабочих, не предлагалось бесплатных билетов. Время от времени они участвовали в мероприятиях, организованных ЖАКТом²¹, например, одна из интервьюируемых упоминает, что «была самодеятельность при ЖАКТе, в ЖАКТ ходила, танцевала»²². Квартира, лестница, двор, ближайший парк — основные места действия, отмечаемые в интервью. Характерно высказывание этой же интервьюируемой на вопрос о различиях в районах города: «Ну почему я знаю, — по другим районам не ходишь!»

²⁰ Мы предполагаем, что подобное «ограждение» было характерно для других групп населения, проживавших в центре, которых мы не описываем в этой статье, — некоторым этническим группам и религиозным общинам.

²¹ Жилищно-арендное кооперативное товарищество, ЖАКТы, существовавшие с 1925 по 1937 год, были не только одной из основных форм организации жилищного хозяйства, но и являлись проводниками культурной политики властей. В частности, при ЖАКТах организовывались Красные уголки, клубы, библиотеки.

²² Интервью с Надеждой Алексеевной, 1906 г.р. Инт. К.Герасимова..

Отличие этих людей от других обитателей центра в том, что размышления о красоте, архитектуре и истории центра не представлены в их воспоминаниях. Музеи, лекции и многие возможности культурного потребления ими использовались также мало. Можно заметить, что этот слой населения Ленинграда 1930-х годов, оставшийся неохваченным культурной революцией, более всего сохраняет преемственность с дореволюционным образом жизни своего слоя.

Социальная сеть этих людей состояла из соседей, прежде всего, живущих в том же дворе и поблизости, и создавалась наподобие «снежного кома» из друзей разных соседей, близких по статусу. Образец построения социальной сети и организации досуга иллюстрирует интервью с В.А. Белокопытовой. Ее отец до революции работал закройщиком в бельевом магазине Готлиба, после революции – завскладом в «Ленинградодежде». Его семья, состоящая из него, жены и трех дочерей, жила в 1910-е годы на окраине, в районе Удельной. Около 1915-16 года семья переезжает в доходный дом в центре, недалеко от Таврического сада. В результате переездов и неурядиц первых лет революции дочери успевают закончить лишь несколько первых классов школы, этим ограничивается их общее образование. Во время НЭПа мать и дочери работают в частном секторе — шьют, продают пирожки на рынке, вяжут чулки и т.д. Одна из сестер в течение 1930-х несколько лет работает на фабрике «Красная нить», две другие сестры работают в сфере обслуживания (уборщица, парикмахер). По рассказу Веры Александровны, все друзья семьи формируются из числа соседей, из них же выбираются супруги, соседи помогают в поиске работы и т.д. На протяжении интервью дом и двор упоминаются многократно, как основное и значимое место действия:

А у нас, так как мы уже все подросли, ... **в доме у нас** мальчики были хорошие в этом доме, все воспитанные, никто похабщину не говорил, все хорошо были воспитанные люди. **Мы стали собираться компанией в доме**, компания, стала, собираться. Стали приходиться с гитарами, с мандолинами, кто с гармониями, стали плясать, танцевать в квартире у нас. (...) Мы плясали. .. (...) Стала петь помаленьку. (...) Потом за сестренкой стал ухаживать повар, **внизу жил**, Петя его звали. Вот, ну и полюбили они оба друг друга. Потом за [второй] сестрой стал ухаживать,

жили во дворе два брата, один был Толя, другой — Петя. Петя влюбился в мою сестру Тоню, среднюю. (...) Он водопроводчиком работал. (...)

Я после смерти отца взяла развод с мужем. (...) Куда-то надо устраиваться на работу! **А у нас во дворе работал парикмахер дамский**, дядя Саша его звали, он работал на Старо-Невском, и **как-то мне во дворе и говорит**: «Слушай, Верунька, давай тебя на работу устрою(...). День будешь уборщицей работать в парикмахерской, подавать нам горячую воду, подметать все один день — кассирша выходная, будешь зарплату получать». И оформили меня, дали зарплату 65 рублей».

Подобная организация повседневной жизни коренных жителей центра из малообразованных слоев, где роль публичного пространства играют квартира, дом и двор, напоминает организацию повседневной жизни рабочих с окраин, особенно коренных жителей окраин, для которых с детства двор являлся наиболее значимым местом взаимодействия.

Мигранты из деревни, живущие в центре и работающие в сфере неквалифицированного физического труда, но не на фабриках и заводах, например, деревенские женщины — домработницы, уборщицы и т.п., также тяготеют к соседским связям. В случае поселения в коммунальную квартиру с однородным социальным составом, соседи начинают играть огромную роль в их социальной сети. Например, одна из наших информанток приехала в Ленинград из Тверской губернии и по протекции родственника устроилась работать уборщицей в Институте растениеводства, и получила комнату при институте в ведомственной квартире в доме на Исаакиевской площади, отданном рабочим. По ее воспоминаниям: «в нашем доме, там были кто откуда: кто с Калининской, кто с Ярославской». Соседи, вчерашние мигранты, составляли дружественную среду общения: соседка по квартире становится ее лучшей подругой и знакомит с будущим мужем, также вчерашним мигрантом из деревни²³.

При отсутствии возможности создать «общину земляков» по месту жительства, мигранты знакомились со «своими» людьми в других местах. Одна из интервьюируемых, работавшая домработницей, нашла круг общения в церкви, куда она регулярно ходила: «Мы в церкви познакомились, так и дружили. Все приезжие и все жили в домработницах. (...) Я чего-то не ин-

²³ Интервью с Марией Никифоровной, 1908 г.р., Инт. С. Чуйкина.

тересовалась, чтобы, так, —, познакомиться, с кем-нибудь, ленинградцами. У нас своя компания была и всё, насмешек я не хотела. (...) Вот, 8 человек нас, все приезжие»²⁴.

Похожую организацию повседневной жизни, досуга и общения, описывают некоторые интервью и мемуары людей «из бывших» — представителей дореволюционных образованных слоев, дискриминированных из-за сословного происхождения. Соседско-дружеские сети «бывших» формировались по месту проживания в тех домах, где представители дореволюционного образованного класса составляли большинство или значительную часть жителей. Судя по газетам и мемуарам, «бывшие» составляли большинство в доме №15-17 по Троицкой улице, в Октябрьском районе в д. №1 по проспекту Майорова, в д. №18 по Пушкинской улице, в доме 73/75 по Каменноостровскому проспекту, и во многих других. Доля «бывших» среди жителей таких домов значительно уменьшилась после кампаний 1931 и 1935 годов по выселению «бывших» из центра, но все равно оставалась большой.

Для жителей таких домов соседи играли большую роль в формировании новых сетей, поскольку прежние контакты были по каким-либо причинам утрачены. Например, в общении с соседями своего круга могли быть заинтересованы бывшие помещики и другие мигранты «из бывших», переехавшие в Ленинград в конце 1920-х, а также коренные петербуржцы, потерявшие круг общения в результате эмиграций и репрессий. Особенно важны были соседи для старших по возрасту «бывших», поскольку для этих людей, не интегрированных в новое и враждебное к ним общество, дом был единственной «своей» территорией, и являлся поэтому практически единственным местом проведения досуга и общения. Кроме дома и прилегающих территорий, «бывшие» старшего возраста, у которых уже не оставалось надежды на интеграцию в советское общество, также посещали церкви, где также находили круг общения и надомную работу²⁵.

²⁴ Интервью с Гуриной Лидией Васильевной, 1918 г.р., Инт. С.Чуйкина.

²⁵ Из мемуаров о жизни пожилых «бывших» лучше всего рассказывают письма Е.А. Свиньиной («Письма в Париж»), опубликованные в журнале «Звезда» № 11, 1997. Из работ исследователей на эту тему: Чуйкина, 1997; Иванов, 1997; о «бывших» и церкви см. Бовкало, 1999.

ЛЮДИ ЦЕНТРА

«Людьми центра» считали себя представители образованных слоев. Для них «Центром», и даже более того, «Городом» была только часть города, связанная с литературой и культурой, хранящая мифы о старом Петербурге. К образованным слоям мы относим людей разного социального происхождения и статуса, имевших высшее образование, работавших в сферах науки, искусства, в инженерной деятельности, медицине, в образовательных учреждениях, на административных должностях и т.п. Сюда принадлежали и коренные ленинградцы, и мигранты, но мигранты в основном не из деревень, а из провинциальных городов. Советские городские образованные слои конца 1920 — 1930-х годов исследователи разделяют на «новую интеллигенцию» и «старую интеллигенцию», различавшиеся по социализации, основным этапам жизненного пути, стартовым возможностям и социальному статусу в советском обществе (Fitzpatrick, 1992. P. 10-12). Среди наших информантов есть представители обеих групп.

«Новую (советскую) интеллигенцию» составляли и коренные петроградские пролетарии, и высококомобильные мигранты из крестьян, получившие образование — «выдвиженцы», направленные в 1920-е годы в ВУЗы по командировкам от предприятий и организаций²⁶, в дальнейшем работавшие и как специалисты, и как работники советского партийного и административного аппарата. Также сюда можно отнести управленцев и инженеров-практиков, не имевших высшего образования, но занявших высокие позиции на предприятиях и в организациях, благодаря высокой квалификации. В целом эту группу отличает лояльность к советскому режиму и приверженность советским традициям и символам (например, отмечание советских праздников), но в то же время интенсивное культурное потребление. К «старой интеллигенции» мы относим представителей дореволюционных образованных слоев — дворян, буржуазию, купечество, как коренных, так и мигрантов, сумевших адаптироваться в советском обществе, найти работу, дать образование детям и избежать клейма «лишенцев», «бывших людей», «нетрудовых элементов» и остаться жителями центра. Выходцы из дореволюционной элиты предпочитали учиться в учебных заведениях «дореволюционного качества», где в 1930-е преподавали еще многие старые профессо-

²⁶ О системе образования и правилах приема в ВУЗы после Октябрьской революции см. Купайгородская, 1984 и Fitzpatrick, 1979.

ра (университет, Горный институт, Политехнический институт, Академия художеств, Институт истории искусств).

Основным объединяющим моментом для «старой» и «советской» интеллигенции является их высшее образование и культурное потребление. Представители советской элиты во многом заимствовали вкусы старой интеллигенции. Ими, как и представителями «старой интеллигенции», была в полной мере востребована досуговая инфраструктура центра. Тем более, что именно в центре города находились учреждения «высокой культуры».

Среди образованной молодежи и людей средних лет были популярны походы в театры, музеи, на драматические, оперные и балетные спектакли, на концерты в филармонии, лекции об истории города, художественные чтения и литературные вечера. Автор воспоминаний, приехавший из провинции в 1929 году и поступивший в университет в середине 1930-х, вспоминает, что: «заработка хватало на еду, покупку некоторых книг и минимума одежды. Изрядно уходило на театры, но более всего на филармонию. (...) В драматические театры ходил реже, но хорошо помню замечательную игру актеров Монахова, Певцова, Горин-Горяинова и других. Единственное, что я так и не смог полюбить – это эстраду, хотя и слышал выступления всех известных в то время знаменитостей. Удивительные были некоторые литературные вечера. (...) А какие были замечательные фильмы – особенно отечественные и итальянские! А Ленинградский Драматический театр на Фонтанке (впоследствии БДТ), театр Акимова, ТЮЗ при Брянцеве... И наезжавшие постоянно в Ленинград МХАТ, Малый театр... И все это было доступно, по карману²⁷.

Из интервью с мигрантами, стремившимися стать настоящими ленинградцами и интеллигентами, видно, что они прежде всего осваивали «высокое» искусство — классическую музыку, оперу, балет, недоступные им в местах их прежнего жительства и поэтому в особенности ассоциирующиеся с петербургской культурной жизнью. Но при этом их культурное потребление отличалось разносторонностью. Уважая классику, они с познавательным интересом относились и к «новым» искусствам — кино, эстраде, лекциям для широкой публики. В отличие от них, молодые выходцы из до-революционных высших слоев, например, из дворян, ориентированные на сохранение традиций, нередко предпочитали классическое искусство и литературу, и сообщали в интервью, что новые искусства вообще не входили в

²⁷ Кирпичников М.Э. Воспоминания (рукопись из личного архива).

их «культурную программу»: «Ходили в театр, в концерты, в филармонию. В кино как-то считалось.... В то время на кино смотрели, как на не совсем настоящее искусство. Оно позже стало искусством, а в то время считали так...»²⁸.

И коренные жители города, и мигранты-интеллигенты полностью сходились во мнениях об особом внешнем и духовном облике ленинградцев. Но при этом под ленинградцами понимались только люди центра и только люди высокой культуры. Характерно, что, хотя больше половины населения центра города и примыкавших к центру районов составляли недавние выходцы из деревни, представители интеллигенции не замечали этой публики: «Деревенской публики я здесь не видела. Я ее увидела потом, после войны. А до этого здесь была публика избранная. Во всяком случае, петербуржцы имели другой габитус, другой облик, вели себя совершенно иначе, нежели в провинции, они узнавались по поведению, такой был шарм какой-то особый. Не было хамства, была выдержанность»²⁹.

«Ленинградцем» на языке интеллигентов является человек, живущий в центре, знающий историю Петербурга, для которого центр города важен как литературный герой, как воплощение истории и культуры. Освоение центра включало в себя знание мест, увековеченных писателями, художниками, композиторами.

Когда мама получила квартиру, она получила квартиру около Покровки, на Садовой. То я, попав в этот район, поняла, что это совсем не то. Я привыкла жить в центре, Васильевский остров, понимаете? Это для меня Петербург. А тут такой район, как Вам сказать, торгово-рабочий район был. Разительная была разница. Ну, потом я привыкла к этому району.

В: В чем разница была?

О: Как в чем? В архитектуре, конечно. Это для меня был район, так сказать, не центральный. Но потом я, учуяла, что это тоже старый Петербург, Коломна, что еще Пушкин жил, и что в церкви на Покровской площади, (...) в этой церкви бывал Пушкин, и как бы там бывала Татьяна, считалось. В общем, я занималась литературными реминисценциями в

²⁸ Интервью с Бурлаковой Варварой Васильевной, 1913 г.р. Инт. С.Чуйкина.

²⁹ Интервью с Исакия Лилиан Аршавириной, 1915 г.р. Инт.С. Чуйкина.

каком-то таком плане, и выискивала в этом районе тоже хорошие места.³⁰

Таким образом, нецентральные районы, и тем более рабочие окраины, не представляли интереса для представителей образованных слоев. Не востребованными ими были и столь популярные у жителей рабочих окраин развлечения, как танцы в клубах и парках, участие в массовых мероприятиях в «садах отдыха».

Как показывают наши интервью, за редкими исключениями, все люди из круга общения образованных людей, идентифицировавших себя как «люди центра», проживали в центральных районах. При этом если соседско-дружеские сети рабочего класса и малообразованных работников сферы обслуживания были укоренены в территорию и поддерживались в основном в процессе ее совместного освоения (например, походов в магазин, присмотра за детьми, играющими на улице, и т.д.), то основой для формирования соседско-дружеских контактов интеллигенции были прежде всего не соседство, а общие интересы. Даже в тех случаях, когда формирование сети интеллигенции происходило в значительной мере по месту жительства (как у не интегрированных в общество «бывших»), в отличие от сети рабочих, она не разрушалась при переезде. Наше исследование подтверждает гипотезу, выдвинутую Р. Палом в работе «Модели городской жизни»: чем ниже у индивида образование и культурный уровень, тем больше вероятность того, что сообщество, членом которого он является, образовано на основе пространственной близости и родственных связей. С повышением образовательного статуса индивида его сообщество (community) преобразуется в социальную сеть, не привязанную к территории (Pahl, 1969. P. 104-106).

ОБИТАТЕЛИ ЦЕНТРА И ОКРАИН

Из всего населения Ленинграда лишь небольшая часть проводила время и в центре города, и в рабочих районах. Эту часть населения составляли, во-первых, рабочие с окраин, сделавшие успешную административную карьеру через активную деятельность в комсомоле и партии, во-вторых, рабочие промышленных предприятий центра города.

³⁰ Там же.

Среди жителей рабочих окраин выделялась группа так называемых «рабочих интеллигентов». В нее входили коренные жители рабочих окраин — потомственные пролетарии, а также наиболее способные и целеустремленные из вчерашних крестьян — мигрантов. Это были люди, сделавшие удачную производственную или партийную карьеру на заводе, уже зачастую переставшие быть рабочими и занимавшиеся больше административной работой, которых можно назвать целевой группой и "продуктами" кампании культурности. Они представляли наиболее социально и пространственно мобильную группу, с наибольшей «картой» освоенного пространства. У них были стремление и материальные возможности для культурного потребления и на окраинах, и в центре. Постоянно проживая в рабочих районах и пользуясь его инфраструктурой, они также были людьми центра, и все больше становились ими. В центре сосредотачивались культурные учреждения, памятники архитектуры, к которым стремились рабочие интеллигенты. Для них участие в жизни центра было символом их внутреннего роста, «культурности».

Освоение двух социально и культурно различных пространств — и центра, и окраин — отражало их двойственное положение в социальной структуре. С одной стороны, они наследовали рабочее происхождение, с другой — осваивали культурные ценности интеллигенции. Например, один из интервьюируемых, Анатолий Александрович Валяшкин в 30-е годы жил в Озерках. Они с женой часто ходили в клуб Орлова рядом с заводом «Светлана», куда им на заводе давали недорогие или вовсе бесплатные билеты на выездные спектакли, лекции, танцы. Другое «культурное место» — Выборгский ДК, находящийся в другом, тоже рабочем районе. А на выходные целый день проводили всей семьей в центре:

«Мы не имели понятия отказать сходить себе в театр. ... Мы практиковали даже такую вещь — допустим, в Пушкинский на дневной спектакль берем билеты, всей семьей идем. После спектакля идем, там напротив ресторан «Нева»... Там днем столовские цены, понимаете? Значит, там пообедаем, чтобы дома не возиться. Потом пешком пройдемся, ... по Садовой, выходим в этот сквер, где Русский музей, погуляем здесь

или в Летний сад зайдём, потом через Троицкий мост перейдём, и там садимся, допустим, на трамвай и едем домой»³¹.

Организация повседневной жизни, быта, досуга, композиция социальных сетей рабочих, работавших на фабриках и заводах, расположенных в центре, были близки к примеру рабочих интеллигентов, живущих на окраинах, что можно объяснить их жилищной ситуацией и социальной неоднородностью центра. Дружеские контакты завязывались в первую очередь на производстве, на учебе — в ФЗУ, в бригаде на заводе, в кружках, рабочих клубах. Жизнь в центре давала меньше возможностей мигрантам-рабочим для воспроизводства деревенского образа жизни, к тому же организуемые заводами культурные мероприятия стимулировали их быструю интеграцию³². Для рабочих-мигрантов, поселившихся в центре, наиболее характерно проведение свободного времени с товарищами по бригаде, как это описывает одна из интервьюируемых:

«У нас, например, была бригада, одна молодежь. Вот собирались вместе, были домашние вечера. Ходили в клубы, на танчики ходили. (...) Я на станке работала, я очень любила свою работу, токарный станочек. Тогда было такое время, все молоденькие мальчики, девочки были токарями. Так интересно было — молодежные бригады, очень хорошо. Зимой кросс в выходной день. Ездили за город всей бригадой, очень интересно было»³³.

Рабочие, живущие в центре, особенно, проживающие в коммунальных квартирах, а не в общежитиях, фактически не чувствовали дистанции с рабочими-ленинградцами. Также менее значимой для них была идентификация с земляками. Важную роль в их интеграции играла гетерогенность социальной среды центра. В садах, парках, кафе, кино, клубах, театрах они сосуществовали в одном пространстве с представителями различных социальных групп, и это превращало их в жителей большого города, равноправных со старыми жителями центра. По карте освоенного пространства рабочих, живущих в центре, можно считать, как и «рабочих интеллигентов»,

³¹ Интервью с Валяшкиным Анатолием Александровичем, 1918 г.р. Инт. К.Герасимова.

³² О мероприятиях властей по интеграции мигрантов см. Витухновская, 2000.

³³ Интервью с Правдиной Екатериной Ивановной, 1913 г.р. Инт. С.Чуйкина.

промежуточной группой. Нередко имея родственников и друзей, поступивших на работу на предприятия, расположенные в рабочих районах и поселившихся там же, они чувствовали себя хорошо в центре, но также использовали досуговую инфраструктуру окраин.

«Я уже город знала весь хорошо. Старый город знала, часто гулять ездила везде. Девчонкой очень часто ходила в Народный, тогда в Народном было интересно, была публика разная. Вот был Таврический сад, ходили туда гулять — там аттракционы были разные, танцплощадки. А в Народном³⁴ другая уже была публика, тут уже более аристократичной была публика. (...) Покультурнее, повежливее, одевались уже по-другому. Подразделялось, было различие какое-то. По-всякому гуляли — собирались в клубах. Раньше был Лесной парк, я туда на Выборгскую ездила к подруге, там было очень весело — вот этот парк. (..) Раньше музыка была, в парках танцевали»³⁵.

Большой поток мигрантов в крупные города, вызванный индустриализацией и коллективизацией деревни, привел к тому, что М.Левин называет окрестняниванием городов. За время первой пятилетки (1928-1932) только в Москву и Ленинград приехали 3,5 миллиона новых жителей (Lewin, 1985. P. 218 -220). Но нужно отметить, что сохранить в неизменности деревенский уклад жизни в городе, даже на окраине, все-таки было трудно, поэтому, скорее, можно говорить о «слободизации городов» (Глазычев, 1998). Организация жизни на окраинах сочетала элементы как городского (труд на промышленных предприятиях), так и сельского образа жизни (семейная структура, домашнее хозяйство, повседневная культура)³⁶. Такой процесс слободизации характерен не только для советских городов, но для всех быстро растущих городов. Например, в статье Дженет Абу-Лугод, изучавшей адаптацию мигрантов из сельских районов к городскому образу жизни на примере Каира, показано, что в городе с большим числом мигрантов возникают достаточно замкнутые районы, населенные сельскими ми-

³⁴ Название парка — от названия театра — Народный дом (позже Мюзик-Холл). Позже — парк имени Ленина, в настоящее время — Александровский парк (между мостом Строителей и станцией метро «Горьковская»).

³⁵ Там же.

³⁶ См. пример Москвы в книге Д. Хоффмана "Крестьянская метрополия" (Hoffman, 1992).

грантами. Поселившись в этих, «крестьянских», районах, они воспроизводят общинный уклад и не испытывают потребности адаптации к городскому образу жизни. Те же, кто попадают в урбанизированные районы, быстрее становятся горожанами (Abu-Lughod, 1961). В нашем случае гипотеза о значимости первого места жительства мигранта в городе для «огорожанивания» подтверждается.

Специфика урбанизации в советских больших городах заключалась в том, что параллельно осуществлялись меры по «окультуриванию» рабочих и по «выдвижению» максимального числа рабочих на руководящие должности. Поэтому рабочие районы Ленинграда стали местом возникновения специфической «советской городской культуры», которая не являлась деревенской в полной мере, но и не наследовала старую петербургскую культуру, которую воспроизводили обитатели центра 30-х годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение перечислим еще раз основные факторы, влиявшие на изменение социально-пространственной структуры города. В первую очередь, это доминирование государства в определении морфологической структуры города, его активное влияние на формирование социального состава разных районов города, а также возможность властей через официальный дискурс определять символический статус мест и пространств. Во-вторых, политика государства в сфере социальной структуры, ориентированная на выдвижение выходцев из рабочего класса и крестьянства и дискриминацию людей из бывших привилегированных слоев, в сочетании с интенсивной миграцией начала 1930-х годов являлась одним из основных факторов, определивших специфику социального и культурного ландшафта Ленинграда в этот период. В Ленинграде, как и в других советских городах, бурно шли процессы восходящей и нисходящей социальной мобильности³⁷. Третьим важным фактором было уменьшение значимости социально-экономических критериев стратификации по сравнению с политическими, что отражалось на способах поддержания социальных границ на микроуровне.

³⁷ Механизмы восходящей и нисходящей социальной мобильности в послереволюционный период рассматриваются (на примере Москвы) в статье Даниэля Берто «Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации» (Берто, 1996).

Несмотря на то, что политика городского развития имела большое влияние, социально-пространственная структура города, сложившаяся к концу 1930-х годов, была результатом взаимодействия этой государственной стратегии, города со сложившимся исторически архитектурным и культурным ландшафтом и жителей с их привычками, представлениями о городском пространстве и практиками «потребления» города. С помощью «перекраивания» города по социалистическим стандартам власти стремились способствовать трансформации социальной структуры – установлению бесклассового общества. Но представители различных (далеких или близких, враждебных или дружественных друг другу) социальных групп использовали в качестве индикаторов социальных различий практики потребления города, присвоение разных мест и пространств группами.

Практики потребления города связаны также с представлениями жителей города о конфигурации и сложности социальной структуры. Некоторые группы населения имели упрощенное представление о социальных различиях по сравнению с другими жителями города. Например, обитатели рабочих районов, будучи пространственно сегрегированы и находясь под влиянием господствующей идеологии, имели стереотипное и не основанное на личном знании представление о социально-пространственной дифференциации в городе. В их представлениях центр города населяли «культурные люди», «интеллигенция», тогда как в новых районах обитал «рабочий класс». Подобные представления были основаны на поверхностном знании центра города. Подобные же представления о социально-пространственной структуре имели представители образованных слоев, идентифицирующие себя как «жители центра». Для них центр являлся преимущественно местом жительства «избранной публики», тогда как другая публика проживала в других местах. В этом случае подобные упрощения связаны с идентификацией себя и своей социальной группы с определенной символически значимой территорией. Представители социальной группы, не разделяющие значимый символический ряд, исключаются из числа жителей исторического центра.

Значительно более дифференцированную и сложную картину социальной структуры рисуют представители дискриминируемых групп и высококомобильные индивиды. Желание интегрироваться или необходимость спрятаться вынуждали представителей этих групп внимательно наблюдать за социальным окружением как в коммунальных квартирах, так и в публич-

ных пространствах. Именно для этих групп особую значимость приобретали символические границы, их поддержание с помощью стратегий исключения "неподходящих" или разрушение путем узурпации позиций и пространств, принадлежащих "высшим" (Parkin, 1979).

При символическом переделе городского пространства «присвоение» определенных локалов играло значимую роль и в формировании новых социальных сред. Анализируя рассказы ленинградцев о жизни города в 1930-е годы, можно заметить, что группы населения, которые номинально относятся к одной социально-структурной категории (например, заводские рабочие), распадаются на разные социальные среды, если рассмотреть их карту освоенного пространства, места общения и культурного потребления. Таким образом, исследование локализации социальной активности в городском пространстве добавляет еще один аспект к исследованию социальной структуры города в переходный период.

Список использованной литературы:

- Берто Даниэль (1996). Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М: ИСРАН.
- Бовкало А.А. (1999). Дворянство и церковь в Петрограде в 1920 – 1930-е годы. // Союз дворян. Union de la noblesse russe. №69. Париж: Союз дворян: 8-11.
- Венцлавович Г. (1976). Структура социально-экономического пространства капиталистической и социалистической Варшавы // Проблемы урбанизации и расселения. М: Мысль, с. 251-261.
- Витухновская М.А. (2000). «Старые» и «новые» ленинградцы. Культурная традиция и образ жизни в Ленинграде 1930-х годов. В сб. "Нормы ценности и перелом в советском обществе и культуре в 1920–1950-е годы". Под. ред. Т. Вихавайнена (в печати).
- Витухновская М., Герасимова Е., Чуйкина С. (ред.) (2000). "На корме времени": сборник интервью с ленинградцами 30-х годов. СПб: "Нева".
- Герасимова Е. (1997). Жилье в советском городе: 1917-1941. Диссертация на соискание степени магистра искусств по социологии (Санкт-Петербург, Европейский университет).
- Герасимова Е., Чуйкина С. (2000). «От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду». В сб. "Нормы ценности и перелом в

- советском обществе и культуре в 1920–1950-е годы". Под. ред. Т. Вихайнена (в печати).
- Глазычев В.Л. (1998). Изменение средовой структуры постсоветского города. Доклад на международной конференции «Санкт-Петербург в конце XX века. Современная жизнь исторического города». Санкт-Петербург, 1-3 октября 1998.
- Иванов В.А. (1997). Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20 – 40-х гг: на материалах Северо-Запада РСФСР. СПб.: ЛИСС.
- Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917-1925). Л: Наука. 1984.
- Лебина Н.Б. Петербург и пролетариат: парадокс взаимопоглощения // Санкт-Петербург. Окно в Россию. 1900-1935. Материалы международной научной конференции. Париж, 6-8 марта 1997. Феникс. СПб: 100-111.
- Трущенко О. (1995). Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. – М.: Социологос.
- Чуйкина С. (1997). Социальная среда поместного дворянства. Преемственность и изменение. Диссертация на соискание степени магистра искусств по социологии (Санкт-Петербург, Европейский университет).
- Abu-Lughod, Janet (1961). Migrant Adjustment to City Life: the Egyptian case. In: *The American Journal of Sociology*, XLVII (1961): 22-32. P. 24.
- Bertaux, Daniel (1997). *Les recits de vie. Perspective ethnosociologique*. Paris: Editions Nathan.
- Boal, F.W. (1973). Territoriality in Belfast. In: Bell C., Newby H. (eds.) *The Sociology of Community: A Selection of Readings*. London: Frank Cass and Company Ltd.
- Bott, Elizabeth (1971). *Family and Social Network: roles, norms and external relationships in ordinary urban families*. London: Tavistock Publications.
- Bourdieu, Pierre (1984). *Distinction. A social critique of the judgement of taste*. London: Routledge.
- De Certeau, Michel (1984). *The Practice of Everyday Life*. Translated by Steven Rendall. Berkeley: University of California Press.
- Firey, Walter (1947). *Land Use in Central Boston*. Cambridge, MA, 1947.
- Fitzpatrick, Sheila (1979). *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1934*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Hoffman, D.L. (1994). *Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929-1941*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Langer, P. (1984). *Four Images of Organized Diversity*. In: Rodwin L. and Hollister M. (eds.) *Cities of the Mind: Images and Themes of the City in the Social Sciences*. London: Plenum Press, pp. 97-118.
- Lewin, Moshe (1985). *The Making of the Soviet System*. London: Methuen.
- Musil, Jiri (1980). *Urbanization in socialist countries*. White Plains, NY: M.E.Sharpe.
- Pahl, R.E. (1973). *Patterns of Urban Life*. London: Longman.
- Parkin, F. (1979). *Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique*. London: Longman.
- Suttles, Gerald (1972). *The Social Construction of Communities*. Chicago: University of Chicago Press.
- Szelenyi, Ivan (1983). *Urban Inequalities Under State Socialism*. New York: Oxford University Press.

Петербургские кафе – география неформального общения

Данная статья представляет собой робкую попытку предложить подход к проблеме пространственной сегрегации, который бы позволил учитывать не только место проживания, но и другие места постоянного пребывания горожанина. Мы полагаем, что житель большого города принимает на протяжении своей жизни множество решений, связанных с выбором “своего” места в городе. При этом “цена” этих решений различна, и, соответственно, различна свобода выбора. Здесь предлагается рассмотреть места неформального общения, как те, при выборе которых горожанин испытывает наименьшие ресурсные ограничения. Предполагается, что выбор, сделанный при минимальных ресурсных ограничениях, в максимальной степени демонстрирует предпочтения (а не возможности) субъекта.

Говоря о пространственной сегрегации населения большого города, невозможно ограничиться только местом проживания горожанина, как “пространственной” характеристикой. Так же важны еще, по крайней мере, две категории “точек” на карте города: место (места) работы, места рекреации и неформального общения. Три этих характеристики могут быть к тому же легко ранжированы по степени свободы выбора горожанином их местоположения.

Так, *наименьшей* свободой житель большого города пользуется при выборе места жительства. В городах России сложилась ситуация, при которой семья практически всю жизнь живет в одной и той же квартире, перемена места жительства крайне затруднена. Так, на пике развития жилищного рынка, в 1997 году, в Петербурге регистрировалось по данным Городского Бюро Регистрации Прав на Недвижимость в жилищной сфере в среднем 3500 договоров купли-продажи квартир в месяц. В Санкт-Петербурге всего чуть более 1,5 млн. квартир. Это значит, что в течение года менее 3% квартир в городе поменяли хозяев (незарегистрированные сделки продажи жи-

ля – большая редкость). В другие годы этот процент гораздо ниже. К сожалению, трудно сказать, сколько переездов на счету тех, кто временно арендует жилье, так как именно сделки временной аренды (в том числе и в общежитиях) далеко не всегда регистрируются. Такой статистики просто нет. Но и из этих данных видно, что семья живет в одной и той же квартире десятилетиями. Высокая стоимость жилья, не до конца отмененный институт прописки, действовавшая еще 10 лет назад распределительная система приводят к тому, что жители России (и Петербурга в частности) очень редко меняют место жительства. Человек в большой степени “привязан” к месту проживания (в частности, это проявляется в том, что один из самых распространенных при прочих равных условиях мотивов выбора места работы – близость ее к дому). Таким образом, изменение структуры расселения происходит очень медленно, гораздо медленнее, чем изменение социальной структуры. Иллюстрацией к этой мысли может служить следующий факт. В Петербурге, по данным комитета по жилищной политике, в 1997 году около 80000 семей регулярно не платили квартплату. Это значит, что люди, которым стало не по карману платить за жилье, не меняют его на менее дорогое (то есть их социальное положение – по крайней мере доходы – изменилось, а место жительства – нет).

Поскольку динамика структуры расселения отстает от динамики социальной структуры, можно предполагать, что в той степени, в какой структура расселения отражает социальные различия (в чем и выражается пространственная сегрегация по расселению) – она отражает не столько нынешний статус семьи, сколько ее статус в течение длительного предшествующего периода.

Можно предположить, что при условии существования свободного рынка жилья еще в течение 10-15 лет пространственная сегрегация по месту жительства проявится более отчетливо.

Гораздо большей свободой обладает житель крупного города в вопросе выбора места работы¹. Среди различных соображений, которыми руководствуются горожане при поиске места работы, видное место занимают две пространственные характеристики: близость к дому (время доступа) и расположенность в центре. При этом очень редко случается, чтобы человек, живущий в центре, работал на окраине. С точки зрения места работы, про-

¹ Мы, конечно, не имеем в виду монофункциональные города в условиях экономического кризиса.

странственная сегрегация гораздо заметнее, чем с точки зрения места жительства: в более “центральных” районах работают более квалифицированные, образованные, высокооплачиваемые. При этом процесс идет как бы с двух сторон.

Во-первых, в центре концентрируются престижные места работы. Исторически сложилось так, что культурные и научные учреждения, органы управления и т.п. расположены там гораздо плотнее, чем на окраинах. Там же концентрируются офисы наиболее престижных коммерческих фирм, представительства иностранных компаний, новые, “богатые” магазины и предприятия сферы услуг.

Во-вторых, именно для “элитных” (в достаточно широком смысле) групп представляет ценность тот факт, что место работы расположено в центре. Для них этот фактор является достаточно существенным при выборе места работы. Более того, если они живут на окраине, близость работы к дому может восприниматься, как отрицательный фактор, усиливающий изоляцию (живешь в Озерках, работаешь в Озерках, в город выбираешься раз в месяц).

Однако наибольшей свободой пользуется городской житель в выборе мест рекреации и неформального общения. При выборе места жительства пространственное расположение играет важную роль, но ограничений слишком много, а главное, сам выбор совершается не так уж часто. При выборе места работы пространственный фактор является хотя и важным, но далеко не главным. Когда же человек проделывает длинный путь только ради того, чтобы провести свободное время в определенном месте, это говорит о том, что это место представляет для него некую ценность, как таковое. Если же в таких местах постоянно “пересекаются” люди, чья принадлежность к тому или иному неформальному сообществу во многом определяется самим фактом их регулярного появления в этих местах, – можно говорить о возникновении “тусовки”.

Название “тусовка” здесь обозначает неформальное сообщество, обладающее следующими признаками.

- 1) Низкие, или отсутствующие входные барьеры (всякий, кто начинает считать себя членом данной тусовки, через некоторое время оказывается признан другими ее членами в качестве такового).
- 2) Численность слишком высокая, чтобы существование тусовки могло быть сведено к системе личных связей (не все знают друг друга).

- 3) Наличие ядра (известные практически всем личности, хранители традиций и духа тусовки) и периферии.
- 4) Наличие места (мест) встреч членов тусовки (тусовка, лишившаяся постоянного места встреч, перемещается в другое или распадается).
- 5) Важно, что место встреч рассматривается каждым из членов тусовки, как место, где всегда (или в определенное время) можно встретить кого-то из “своих”, но неизвестно, кого именно, то есть это место случайных и неожиданных встреч.

Петербург::география:неформальных:встреч

В Петербурге традиционно существуют места (в основном кафе), являющиеся неформальными центрами для тех или иных неформальных сообществ.

Один из самых старых примеров такого рода – знаменитое кафе “Вена”, являвшееся в 1910-х годах настоящим постоянно действующим клубом для петербургских журналистов. Наиболее активные журналисты города заходили туда ежедневно, за столиками этого кафе писались статьи, происходил обмен новостями. В те времена информационных агентств и специальных баз данных не существовало и, вероятно, не будет большой ошибкой сказать, что значительная доля новостей “общего пользования” и необходимой информации получалась журналистами в процессе общения между собой. Были подобные “профессиональные” места у адвокатов, инженеров, студентов того или иного учебного заведения. При этом подобные места отнюдь не являлись профессиональными клубами – это были обыкновенные коммерческие заведения, в которых стихийно начинали собираться люди определенной профессии. При этом, разумеется, в заведение мог прийти и приходил любой желающий “с улицы”. Хозяева заведений дорожили постоянными клиентами (в “Вене” известным журналистам даже делали скидки и давали кредит), гордились своим неформальным статусом.

В советское время существовали неформальные центры общения в основном лиц “свободных профессий”, помещавшиеся в местах концентрации таковых – кафе Дома писателей, Дома актера, Дома кино, внутренние кафе соответствующих заведений (кафе-столовые учреждений, например киностудии или адвокатуры; зачастую они просто находились за проходной определенного учреждения.) Здесь существенно то, что эти кафе носили закрытый или полузакрытый характер, проникновение в них требовало

формальных признаков принадлежности к сообществу (членский билет, приглашение, пропуск в соответствующее учреждение). Таким образом, в отличие от дореволюционных центров неформальной коммуникации, которые стихийно оказывались таковыми, в которые легко мог прийти человек с улицы, эти носили гораздо более формальный характер. Посещение подобных мест становилось элементом престижа. Играла здесь роль и распределительная система, – такие места были оазисами низких цен и высокого качества еды в советское время, а право проникновения в них – чисто материальной привилегией. Тем не менее они выполняли свою роль центров неформального профессионального общения. Здесь обменивались информацией, решали дела. Здесь в большой степени создавались профессиональные репутации, и возникало общественное мнение.

Кафе же открытого типа, если становились центрами для какой-то группы людей, то скорее не по профессиональному признаку, а по признаку общего образа жизни, принадлежности к субкультуре. Таков был знаменитый “Сайгон”.

Ниже речь пойдет о том, какие есть или были в Петербурге места встреч, при этом мы посмотрим во временном разрезе, как ветвящиеся и трансформирующиеся “тусовки” меняли места обитания. В качестве примера взята тусовка, бравшая свое начало из знаменитого “Сайгона”.

“Сайгон (1960 – 1990-е гг.)”

Значение этого заведения, на протяжении десятилетий бывшего местом общения всего, что только было в городе несоветского, ни в коей мере не исчерпывается деловой и тем более профессиональной коммуникацией. Эти факторы никогда не были главными. Однако и в нем можно выделить две как бы “профессиональные” группы. Это – андеграунд (художники, певцы, рок-музыканты) и фарцовщики (в том числе торговцы запрещенными книгами и музыкальными записями). В “Сайгоне” узнавались новости, которых не печатали в газетах, шел обмен информацией и активная торговля.

«Сайгон» уникален еще и длительностью функционирования: он просуществовал с конца 60-х до 90-го года. Затем кафе закрыли, а тусовка, ветвясь, еще долго кочевала с места на место. Сейчас в этом помещении открыт рок-магазин. В окнах выставлены портреты наиболее выдающихся посетителей, принадлежащие кисти “митьков”. Картины: “поэты, 60-е”, “музыканты, 70-е”, “хиппи, 80-е”, “митьки, конец 80-х” отражают периодизацию “центральных” компаний, имевших место в кафе.

До середины 70-х лицо кафе определяла компания поэтов, позднее В. Топоров назвал их “новыми петербуржцами”.

Параллельно литературной, бытовали в заведении компания биологов, люди с филфака, историки. Перечислить питерских знаменитостей, которые бывали в «Сайгоне», невозможно. Яркой чертой биографии питерского интеллигента того времени можно считать, если он там не бывал.

Несколько позже поэтов в «Сайгоне» появились люди из следующего поколения рок-музыкантов, в частности, Сергей Курехин и Борис Гребенщиков.

В начале 70-х годов “Сайгон” поглотил несколько расположенных рядом кафе – компании, встречавшиеся в “Сайгоне”, переходили оттуда в эти кафе:

- 1) **“Придаток” (1970 — 1990-е)**, Мороженица на Владимирском. Существует до сих пор, никто там не собирается со времен закрытия “Сайгона”.
- 2) **“Гастрит” (1970 — 1990-е)**, кафе-автомат на углу Рубинштейна и Невского. Закрылся примерно одновременно с “Сайгоном”, теперь переделан в фаст-фуд).
- 3) **“Огрызок” (1989-1991-е)**, большой стоячий полуподвал на углу Пушкинской и Невского, начал существовать в 80-х, после закрытия “Сайгона” в него ушла молодая часть постоянных посетителей, включая “неформалов”.

Свидетельство завсегда

“ Сайгон ” был разным в разное время суток. Отчетливое утро — либо случайные посетители, либо такие люди, как я — с дикого похмелья, но никогда не похмеляющиеся, заходили просто кофе выпить. Это был один “ Сайгон ”, он еще был прибран, тихое место, можно было встретить знакомого.

“ Сайгон ” после 12. С середины 70-х годов он заполнялся книжными спекулянтами, которые скромно завтракали, по моим подсчетам, на треху, съедая два бутерброда с красной икрой, еще с чем-нибудь, пирожное добавляли, запивали чашкой кофе или даже брали еще стакан сока. Они делали перерыв между 12 и часом, а потом снова уходили стоять около “Старой книги”.

Потом воленс-ноленс " Сайгон " наполнялся мимоидущей публикой, которая там, натурально, пила кофе, часов до четырех. Потом был санитарный перерыв. Самый бедлам начинался после пяти, когда на фоне обыденной и случайной публики появлялись так называемые завсегдатаи. Фактически там было две толпы — пришедших и местных. Причем местные считали, что, употребляя здесь кофе каждый день, они имеют право получить его без очереди, и хотели это право использовать, чем, естественно, вызывали возмущение у публики. Возникали небольшие перебранки, которые кончались ничем. Это время продолжалось примерно до половины седьмого. Это что касается просто круговращения.²

Когда в 1990-м "Сайгон" закрыли, публика переместилась в "**Огрызок**", затем, после его закрытия (1991), в **кафе в магазине на углу Невского и Пушкинской (1991 — 1994)** (оно сленгового имени не получило, видимо потому, что "пушкинская улица" была паролем сама по себе – кафе являлось "придворным" по отношению к знаменитому "арт-сквоту" на **Пушкинской, 10**). Когда "тусовка" хиппи ушла из кафе, оно сохранило функции "придворного" и носило легкий богемный оттенок до распада сквота в 1996 году.

Затем "Сайгон" был вытеснен с Невского и переместился в менее престижные районы города.

"Крыса" (угол Белинского и Литейного) в принципе существовала как "именное" место года с 1989, потому что там были экзотические по тем временам кофе по-восточному и горячие бутерброды. Но это было недостаточно дешевым кафе, поэтому продержалось в качестве "тусовочного" центра только до 92 года, когда благосостояние резко упало. Само кафе функционирует до сих пор практически в том же виде, только стало еще дороже. Имя забылось.

"Роад" находился на Литейном проспекте. Это несколько необычное кафе. В 90-е годы там постоянно можно было встретить несколько человек из "системы", но тусовки (встреч, общения) там никогда не было. То есть человек, приехавший автостопом, заходил туда попить кофе, погреться, кафе было как бы включено в карту "системы", но там не тусовались. С большим удивлением я выяснила, что это кафе было неким локальным центром для компании, которая существовала вокруг Гребенщикова и "Аква-

² Д. Дугаев. Сайгон – Пчела,,№2, 1996.

риума” в первое время существования группы, и называлось (видимо, только в рамках этой компании) “Аббатская дорога” (название альбома “Битлз” 1968 года), и воспето в одной из песен БГ «ушла “Аббатская дорога”, ушли “Орбита” и “Сайгон”». Возможно, на “карту” “системы” это место попало в результате исчезнувшей традиции поклонения святыне.

Однако предпоследний “Сайгон” обнаружил новое качество. Это кафе под названием “**Кошка**” (естественно, это сленговое название) функционировало в таком качестве в 1995-96 годах. Дело в том, что в силу многих причин множество бывших хиппи к 25-30 годам начинают заниматься компьютерами. Этот род занятий, давая средства к существованию, оставляет в неприкосновенности важные для них свободный график работы, почти полную независимость, невключенность в иерархию. Таким образом, “Кошка” стала не только местом встреч хиппи, но и центром профессиональной коммуникации компьютерщиков. Здесь обсуждались особенности программных продуктов и техники, происходил обмен информацией о состоянии рынка, о наличии работы, о различных возможностях. Заключались сделки о продаже техники.

Когда “Кошка” закрылась, именно “компьютерная” часть ее завсегдатаев переместилась в гораздо более уважаемую “**Россану**” на ул. Фурманова — кафе, находящееся недалеко от Европейского университета и Мухинского художественного училища. На этом можно считать распад субкультуры “Сайгона” завершенным. Интересно, что сообщество это настолько невелико, что появилось время сбора — вечер пятницы (в “Сайгоне” тусовка происходила от открытия до закрытия, в “Кошке” — каждый день по вечерам).

У хиппи всегда, кроме мест встречи в кафе, были и уличные места. Так, по крайней мере с середины 80-х они собирались на “**Казани**” (на ступенях Казанского собора на Невском проспекте). С конца 80-х и до сих пор таким местом остается “**холодная труба**” — подземный переход на пересечении Невского и Садовой. До недавнего времени существовала еще “теплая труба” — подземный переход под перекрестком улицы Бродского и Невского (теперь переход отремонтирован, и тусовку и музыкантов туда не пускают).

В конце 80-х две “трубы” стали излюбленным прибежищем музыкантов. Тогда же там появились вокруг этих музыкантов тусовки тинейджеров — хиппи; в начале 90-х это место ненадолго захватили панки, сейчас там

преобладают любители рокабилли. Две “трубы” и два кафе поблизости на Садовой составляют как бы единую систему – группы людей, принадлежащих к одной и той же тусовке, переходят из одного места в другое, в зависимости от того, кто и что где играет, периодически забредая в кафе.

Единство этой системы можно проиллюстрировать следующим свидетельством: в “Теплой”, у входа на станцию метро “Невский проспект” на стене со стороны “Холодной” долго был нарисован мелом прямоугольник в человеческий рост, на котором было написано: “Дверь в Холодную”.

“В “трубе” функционировала до 96 года, наверное, последняя настоящая хиппи-семья, часть “Системы”...”

“Хотя и сейчас в “трубе” легко встретить старого знакомого, можно с уверенностью утверждать, что года полтора-два назад и среди музыкантов, и среди простых смертных энтузиазм по отношению к Трубе стал спадать. В “Холодной” стало чересчур уж холодно, а в “Теплой” в изобилии расплодилось уличные художники и продавцы театральных билетов и газет — там стало тесно. Остатки “семьи”, частенько резвившейся у Казани, выродились в “сорокоманскую” тусовку”.

“Ротонда” — чугунная лестница старинного трехэтажного дома на углу Фонтанки и Гороховой. Лестница круглая, она более всего напоминает вместительную башню, которую венчает купол, обеспечивающий великолепную акустику.

Тусовок в “Ротонде” две: сама “Ротонда” с “карманом” (узенькой лестницей сбоку) и двор дома, куда тусовка переезжает на летний сезон.

“Ротонда” — главный питерский пункт “системы”, то есть “все, кто приезжают в Петербург “стопом” обязательно заходят на “Ротонду” — посмотреть, что нового. Тусующиеся буквально живут на своей тусовке, уходя лишь когда кончатся ресурсы — сигареты, пиво, конопля”.³

На примере одного круга общения мы можем видеть, как «тусовка», ветвясь и видоизменяясь, периодически занимает различные пространственные ниши и оставляет следы на карте города. Возможно, составление карты мест неформального общения могло бы многое прояснить в проблеме пространственной сегрегации.

³ С. Тулаев. Ротонда – Пчела, 1996, №2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Антипин Павел Владимирович

Магистр социологии Манчестерского университета

Область научных интересов: политическая социология, городская социология, модернизация России

Контактная информация: 618006 Пермская обл., Пермский р-н, с. Кондратово, ул. Камская, д.21, кв.6

Тел.: (3422) 96-16-30

Барсукова Светлана Юрьевна, кандидат социологических наук

Государственный университет - Высшая школа экономики. Кафедра экономической социологии, доцент

Область научных интересов: экономическая социология, социология предпринимательства, социальные аспекты неформальной экономики

Контактная информация: e-mail: mss971005@msses.co.ru

Бляхер Леонид Ефимович, доктор философских наук

Хабаровский государственный технический университет. Заведующий кафедрой философии и культурологии, профессор

Область научных интересов: методология социологического анализа, анализ нестабильных социальных систем

Контактная информация: e-mail: leonid@evm.khstu.ru

Тел.: (4212) 34-97-81

Вагин Владимир Владимирович, кандидат философских наук

Московская школа социально-экономических наук, преподаватель

Область научных интересов: городская социология

Контактная информация: e-mail: vagin@rian.ru.

Тел. (095) 201-50-53

Герасимова Екатерина Юрьевна, магистр

Центр независимых социологических исследований, сотрудник; Европейский университет в Санкт-Петербурге, ассоциированный сотрудник

Область научных интересов: социология и антропология города, гендерные исследования.

Контактная информация: 191002 Санкт-Петербург, а/я 55 ЦНСИ

Тел./факс: (812) 321-10-66

E-mail: katja@indepsores.spb.ru

Гришаев Владимир Владимирович

Институт социологии РАН, аспирант

Область научных интересов: социология города, социология риска, анализ социальных проектов и программ

Контактная информация: e-mail: grishaev@mail.ru

Карпов Антон Евгеньевич

Новосибирский государственный университет. Экономический факультет.

Кафедра общей социологии, аспирант

Область научных интересов: социология города, социология коммуникации

Контактная информация: 630009 Новосибирск-9, а/я 156

Тел.: (3832) 39-74-12

E-mail: zindar@mail.ru, ulloi@chat.ru

Панеях Элла Львовна

Центр независимых социологических исследований, научный сотрудник

Область научных интересов: теневая экономика, кризисные экономические стратегии

Контактная информация: 192283 Санкт-Петербург, Загребский бульвар, д.35, кв.446

Тел.: (812) 273-07-32, факс: (812) 273-36-54

E-mail: elpan@trade.spb.ru

Чешкова Анастасия Федоровна

Магистр социологии Манчестерского и Ланкастерского университетов

Контактная информация: e-mail: cma@math.dcn-asu.ru;

s039@staszic.sns.waw.pl

Чуйкина Софья Александровна, кандидат социологических наук
Европейский университет в Санкт-Петербурге, ассоциированный сотрудник;
Центр независимых социологических исследований, исследователь
Область научных интересов: историческая социология, исследования соци-
альной структуры, социология города, гендерные исследования
Контактна информация: Санкт-Петербург, Большой пр. П.С. д.41, кв.18
Тел.: (812) 230-22-78, факс: (812) 321-10-66
E-mail: sonja@it1982.spb.edu, strangetiger@hotmail.com